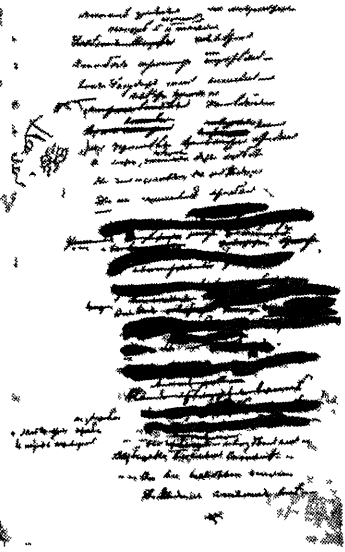

КАК БЫЛИ РАСКРЫТЫ ДВА АВТОГРАФА ПУШКИНА

Т. ЦЯВЛОВСКАЯ

1. ПОСЛАНИЕ В. Л. ДАВИДОВУ

Подготавливая тексты Пушкина к академическому изданию, мы столкнулись однажды на исключительное препятствие. Автограф послания к декабристу В. Л. Давыдову был в нескольких местах замазан густым слоем черных чернил. Казалось, кто-то старался уничтожить малейший след ряда строк в стихо-

творении, известном своей революционной и антирелигиозной направленностью. Судя по тому, что эти строки были предварительно перечеркнуты синим карандашом — неизменным спутником всех работ редактора «Русского Архива» П. И. Бартенева, — можно думать, что это он обращал чье-то внимание на нецензурность стихов.

Самым вероятным объяснением варварской расправы с пушкинской рукописью представляется следующее. Когда в 1880 году сын поэта А. А. Пушкин решил передать в Государственный Румянцевский публичный музей все рукописи отца, Бартенева указал, должно быть, на строки послания, высмеивающие религиозные обряды. И сын поэта, для спасения репутации Пушкина, решил замазать стихи.

Послание было написано Пушкиным из Кишинева. Поэт обращался со стихами к своему приятелю-декабристу, с которым только что провел четыре месяца в усадьбе Давыдовых в Каменке и в Киеве. В Каменке происходил в то время съезд декабристов, и там разговоры шли на острые темы дня — революционные восстания в Испании и в Неаполе. Вернувшись в Кишинев, Пушкин узнал о начавшемся восстании греков против их поработителей — турок. Восстание было поднято Ипсиланти, которого Пушкин знал по Кишиневу. Такие события не могли не радовать и не волновать Пушкина. Приближалась пасха, и Пушкину пришлось вслед за своим начальником Инзовым говеть и причащаться. Столь различные настроения и отразились в послании, из которого приводим отрывок:

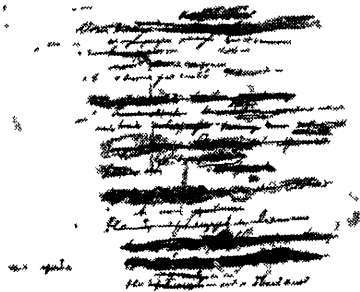
«Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя —
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.
На этих днях среди собора
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай!...»

¹ Эти два стиха были тоже замазаны, но так как они были написаны сразу без помарок то копии с них была сделана правильно, что проверлось замазанными концами букв

Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и наемни
Я променял парнасские бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы».

Дальше в автографе идут замазанные строки. Они известны были нам по копии среднего качества, снятой до замазывания строк. Текст копии исправлялся и дополнялся словами, вычитываемыми в замазанных частях автографа. Вот тот, очень несовершенный текст интересующего нас отрывка, который печатался до последнего времени в собраниях сочинений Пушкина:

«Однако ж гордый мой рассудок
Меня порядочно бранит,
А мой ненабожный желудок
Причастья вовсе не варит...»

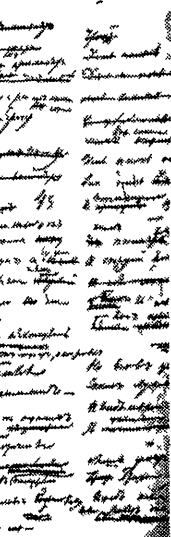
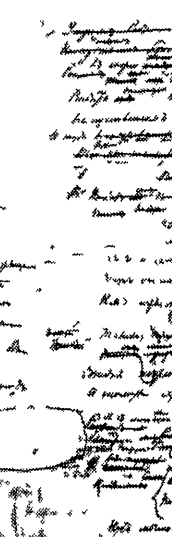
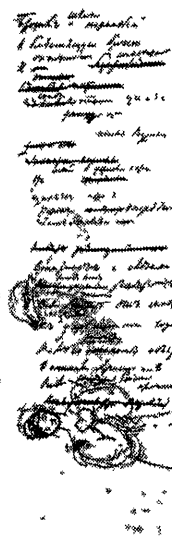
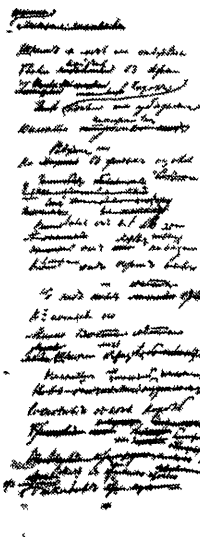
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит
Иль кло д'вужо², тогда б ни слова,
А то — подумать, так смешно —
С водой молдавское вино.
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане...
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине...»

Величайшей иронией и убийственно-спокойным атеизмом исполнены эти стихи молодого Пушкина.

Но чувствуется, что не все в этом тексте благополучно: не пушкинский оборот «Меня порядочно бранит»; непонятно, откуда вдруг возникает сатана.

Необходимо было раскрыть замазанные строки и посмотреть то, что неточно читалось редакторами прошлого столетия.

² Лафит и кло д'вужо — марки хорошего красного вина.

И вот по совету профессора уголовного права А. А. Пионтковского было решено попытаться «взять» пушкинские строки так, как берутся строки документа, умышленно залитого чернилами. Мы обратились во Всесоюзный институт юридических наук, где встретили самую товарищескую поддержку со стороны ученого секретаря института, ныне покойного, Р. П. Орлова и ученого фотографа института, тоже покойного, К. Е. Корси.

С волнением разглядывал Кир Евгеньевич пушкинский автограф. За долгие годы его работы ему не приходилось видеть в своей фотолаборатории такого документа. Но он огорчил нас, заявив: «Пробовать буду, но не ждите успеха...» Пушкин писал светлокоричневыми орешковыми чернилами, а замазаны строки черными, как смола, густыми чернилами.

После многих неудач Кир Евгеньевич наконец протянул мне еще мокрую пленку... Глядя на свет, я увидела чудо: пушкинские строки, погребенные под черными полосами, теперь просвечивали сквозь легкую вуаль. «Вышло! Вышло!» — лицевали мы.

С трепетом читала я сбжавшимся сотрудникам института раскрытые строки Пушкина:

«Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаяние бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец, — говорит», —
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло д'вужо, тогда б ни слова.
А то — подумай, как смешно!»

Новая, не прочтенная до сих пор строка «Помилуй, братец, говорит» по-иному освещала весь отрывок. Пренебрежительные слова о кишиневском причастии оказывались репликой желудка, который наряду с рассудком «со своих позиций» дружески укорял Пушкина за принятие причастия. Теперь понятны и дальнейшие слова:

«Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане...»

До сих пор они висели в воздухе, так как примыкали к высказыванию будто бы самого Пушкина. Оказывается, что лицемерно гово-рящий Пушкин причастия не бранил: это делали сатана и ненабожный желудок.

2. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РУСАЛКЕ»

Пушкин часто делал свои записки на первом попавшемся листе бумаги, не жалея ни автографа стихов, ни рисунка.

³ Стих «Причастья вовсе не варит» был поэтом написан, но зачеркнут и заменен этим.

Так случилось и с большой композицией, сделанной карандашом, обнаруженной при разборе черновых вариантов стихотворения «На Испанию родную»; бледный карандашный рисунок, кое-где подправленный чернилами, был покрыт тремя густыми колонками стихов, написанных черными чернилами.

На рисунке изображены девушка в сарафане и шалке; слева — водяная мельница, справа — сначущий всадник; рисунок ограничен овалом, так что часть пейзажа остается вне его. Верхнюю часть композиции заполняет летящая птица.

Исключительного интереса, редкий для Пушкина, этот сложный рисунок требовал какого-то особого метода фотографирования: надо было «затушить» стихотворные строки.

К. Е. Корси объяснил мне, что это задача почти безнадежная. Но он сделал все же опытный съемку рисунка через цветочный фильтр.

Мы публикуем здесь простой фотоснимок автографа Пушкина с рисунком и первый опытный снимок сквозь цветочный фильтр, исполненный К. Е. Корси.

Перед нами иллюстрация Пушкина к его драме «Русалка». Она изображает самый напряженный момент трагедии: дочь мельника, оставленная князем, сетует и отчаявается, восклицает:

«Ох, душно!»

Холодная змея мне шею давит...
Змеей, змеей (опутал) он меня,
Не жемчугом».

Она рвет с себя жемчуг с возгласами:

«Так бы я

Разорвала тебя, змеею злодейку,
Проклятую разлучницу мою!»

Мельник пытается успокоить дочь. Сцена заканчивается тем, что девушка бросается в реку.

Замечательно выразительно передал Пушкин образы всех трех героев драмы: старого мельника с ключом на поясе, еще не понимающего нависшей над ним беды; доверенную до отчаяния девушку в жалостной позе, с силой разрывающую нитку жемчуга; и даже сначущего на коне князя, проговорившего, уходя, что он «бури ждал», но что «дело обошлось довольно тихо».

Иллюстрация самого поэта к «Русалке» показывает, как жива была потребность великого художника слова в воплощении образов драмы и в изобразительном искусстве.

Набросок Пушкина может и современного иллюстратора направить по верному пути. Он может помочь и режиссеру при постановке «Русалки».

